

Мрибцна молодого журналиста

№ 1 (13)
январь
2000

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

Студенты уходящего века

«Мы все учились понемногу... Боже мой, когда это было! Разумеется, имею в виду восхитительную пору студенчества, а не народную мудрость «век — живи, век — учись». А когда было? Через пару-тройку дней кто-то скажет — в прошлом веке. И хотя мнения по поводу «прошлого» у человечества разделились, и не все согласны считать ближайшие рождественско-новогодние праздники сменой столетия и тысячелетия, большинство христианского мира все же приготовилось к наступлению особого рубежа. Будем с большинством.

Близость конца столетия настраивает на ностальгический лад. Как будто с чем-то надо расстаться. Многих кто мыслит (вслух или печатно) начинает особенно волновать проблема времени, его бесконечности и быстротечности, его власти над нами. А может быть просто обостряется память? В этой студенческой «Трибуне» мы тоже волюнтарно во времени, в ней перемешаны образы и имена студентов и профессоров Московской консерватории — нынешних и бывших, запечатлены зарисовки из консерваторской жизни, как более далекой, так и сегодняшней. Одни люди — здесь, рядом, только что видел, других «уж нет» или они «далече», но по сути, в каком-то глубинном смысле, все — близко и всё — как вчера. И если кого-то (и может быть справедливо) волнует, что «распалась связь времен», то это — не к нам.

Известно, что студенчество — это не только время учебы, но и состояние души. Кто-то волею обстоятельств или по складу характера быстро утрачивает его (или не обретает вовсе), кто-то, напротив, это острое, озорное, критическое мироощущение сохраняет и углубляет. В том числе и некоторые верные наши читатели из «бывших». Их тоже манит трибуна *молодого журналиста*. Так что сегодня будем считать, что мы все не только «учились понемногу», но в душе все еще студенты. И наш праздничный выпуск — новогодний привет от студентов уходящего века студентам века грядущего (некоторые счастливы, правда, принадлежат и к тем и к другим одновременно!) с пожеланиями счастья и успеха, смелости и мудрости, творческих свершений и гармонии с самим собой, любви и красоты, Музыки, Музыки, Музыки еще на тысячу лет...

Татьяна Курешева,
бывшая студентка

ЛУЧШЕ ПЕРЕСПАТЬ, ЧЕМ НЕДОЕСТЬ (Первая Заповедь студента)

«Непослушный мальчик», — это моя мама обо мне. Но не сейчас, когда ей идет 89-й год, мне ж уже 38-й, а раньше, где-нибудь в году 1939-м. Шутки бывали и менее давно, во времена школярские.

А) Инструментоведение: посудофон и сонористика в 2 часа ночи

На первом курсе (1949—50) я был общежителем на Трифоновке, что возле Рижского вокзала, где в нашей комнате на одно пианино приходилось 17 проживающих. Когда укладывались на ночь, то нередко кто-нибудь отсутствовал, задержавшись на дуэте в жанре ноктюрна Des-dur. И тогда один из нас, тот последний, кто должен гасить свет, прежде чем лечь, собирал с обширного стола оставленные пустые до чистоты кастрюли, миски, ложки, сковородки, жестяные кружки (у них звук вроде античных тарелочек) и все это выстраивал, прислонив к двери, в виде башни высотой в метр (или более). Сонористический эффект в том, что когда опоздавший в залитом светом коридоре открывал — на себя — дверь в темную комнату, из нее внезапно вываливалось на него все это сооружение, с грохотом тутти фортиссимо.

Б) Наш видеозал, по-дмитровски

В общежитии в Дмитровском переулке (что позади Большого театра), наша комната была на верхнем этаже. А из окна через неширокую улицу, в доме напротив этажа на два ниже нас в мае-июне хорошо просматривалась комнатка, молодая и жизнелюбивая хозяйка которой по вечерам принимала у себя гостей из противоположной половины, каждый раз новых. В целях улучшения видимости мы выключали свет и, скучившись у окна, принимались смотреть демонстрируемый вдохновляющий сюжет от вступительного речитатива до посткоды. Да, а у меня был еще мой театральный бинокль... Однажды героиня сюжета случайно взглянула в окно, и мы как зрители ей явно не понравились.

Видеозал закрылся.

ОЧЕНЬ НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

Театр как известно начинается с вешалки, а Рахманиновский зал — с... Но, впрочем, обо всем по порядку.

Вот тут многие мои коллеги считают, что у нас в консерватории туалеты якобы в катастрофическом состоянии. А я говорю — нет, клевета все это! И привожу в доказательство одну абсолютно подлинную историю, приключившуюся несколько лет назад под Новый год у нас в Москве с одним известным режиссером из музыкального отдела лондонского Би-Би-Си.

Он, понимаете ли, всё фильмы про музыку у нас снимал — и про Рахманинова снял, и про Шалапина, и про Шнитке, а вот нашего, так сказать, общего культурного контекста все никак почувствовать не мог. И вот однажды, после бурной творческой дискуссии о судьбах отечественной музыкальной культуры, проходившей в консерватории, мне неожиданно пришлось этот контекст и продемонстрировать — дело в том, что наш герой задался неуместным для пребывающего в нашем историческом учреждении вопросом о местах дислокации туалетов.

«Ринит! Безнадёжно хронический ринит», — сочувственно подумал я, с детства впитавший из английской детективной литературы любовь к широкому умозаключению на основе незначительных фактов. Ведь, признаюсь, я уже давно привык к тому, что наши гости всегда сами находят жизненно необходимые заведения без всяких дополнительных вопросов, безошибочно ориентируясь, так сказать, исключительно «на нюх».

Здесь же я был вынужден сам навести агента Би-Би-Си на искомый объект. Как я и предполагал, пребывание моего английского приятеля в этом весьма известном боковом отсеке Рахманиновского зала было очень недолгим. С присущим этой островной народности этикетом мой гость заявил, вернувшись, что, пожалуй, может быть, было бы лучше, с целью экономии времени посетить аналогичное заведение где-нибудь прямо по пути в нотный магазин на Неглинной-Петровке, куда мы собирались идти. «О да, конечно, — ответил я, — не будем терять времени. И вот, мы уже в пути.

Мы пересекли Тверскую, и уже шли мимо памятника Первому московскому мэру — Юрию Долгорукому, не уставая восхищаться замечательной предрождественской погодой. Тем не менее, я не мог не заметить, что мой гость становился

все более нервным и каким-то дерганым. Явно бросалось в глаза, что музыкальные темы, равно как и погодные условия нашей местности все меньше интересовали его. Он часто и резко вертел головой, словно что-то разыскивая. «Кстати, вот и туалет», — заметил я, указывая на деревянную дверь покосившегося здания в аккурат напротив бывшего Института марксизма-ленинизма. «Фэнтэстик!» — воскликнул мой гость, бросаясь в неизведанное.

Я остался ждать на улице, но уже через несколько секунд он вынырнул из темноты, размахивая руками. «Что-то не так?» — спросил я. «О нет, все фэнтэстик, только, видишь ли, там нет света, и я, понимаешь ли, там ничего не вижу и поэтому не могу...» Я не дал возможности ему, посланцу туманного Альбиона, договорить и вошел вслед за ним в...

Я оказался в крошечной темноте, и только где-то в углу зыбкий свет единственной свечи освещал лицо старушки, собирающей деньги за вход. Она была полусогнутой от долгой и тяжелой жизни, у нее дрожали руки, которые постоянно перебирали мелочь, словно четки, и у нее был один зуб. Если мой приятель когда-нибудь захочет снять фильм по музыке Лядова, то лучшего персонажа для Бабы-Яги ему не сыскать! Но в тот момент я вспомнил о другой пьесе великого композитора — дело в том, что мы находились на одном из немногочисленных островков «суши», окруженных поистине «Волшебным озером» вод различного происхождения. Впрочем, может быть, моему заморскому гостю это напоминало вовсе не озеро, а, например, Ла-Манш.

Я кратко объяснил старушке существо проблемы: «Понимаете, здесь темно, ничего не видно, и мой приятель просто не может...» «Да-да, милоч, — с доброжелательной готовностью ответила бабушка, по-видимому, уже хорошо знакомая с такой постановкой вопроса, — я посвечу, посвечу ему». Она встала, взяла свечу в дрожащие руки, а я вышел на улицу.

Каково же было мое изумление, когда через полминуты мой приятель снова высочил на улицу, взволнованно и смущенно пытаясь мне что-то еще объяснить. «Все фэнтэстик! Но, понимаешь... я не могу... когда она стоит рядом со своей свечкой...и...и смотрит!» «Вот он, Кембридж, — снисходительно подумал я и пошел объяснять бабушке, что кроме

В) Полифония: Бах — неГуно

Профессор Семен Семенович Богатырев (см. его портрет в 9-м классе) задавал нам писать фуги — одну за две недели. Я приспособился сочинять фугу за одно воскресное утро. И таким образом поставил фуг вдвое больше. А любимым развлечением была контрастно-тематическая полифония в жанре Quodlibet, как соединение мелодий, совершенно не подходящих друг к другу по содержанию, но образующих правильную и складную гармонию. Например, соединение партийного гимна «Интернационал» с «Чижиком» в басу. Или прилаживание к произведению автора, памятник которому стоит в Ляйпциге, мелодии песни, герою которой ныне (конечно же, в честь нижеприводимого соединения тем) воздвигнут памятник в Санкт-Петербурге.

Итак, прелюдия на известный кантус фирмус, который проводится на всем протяжении формы от начала до конца (здесь — начальные такты*):

И так далее (как говорил Велимир Хлебников, пряча в карман бумажку с продолжением читаемых стихов).

Однажды я сыграл эту фантазию своему педагогу по фортепиано Виктору Алексеевичу Розанову (он ученик К. Н. Игумнова). Посмеявшись над Розановым сказал, однако, что это «профанация». На что случившийся тут композитор Анастас Виеру, тогдашний студент (А. И. Хачатуряна), возразил: — «У Гуно тоже профанация».

По восточному календарю — с Новым Годом**!

Трахал старинный студент Юра Халонев

* В такте 8 наложение: последний такт второй вариации (звуки с-с-с) и 1-й такт третьей (g-e-g-e) звучат одновременно.

** Термин Л. В. Кириллинной.

монументальные здания, удачно сопоставляя их взаимодополняющие виды с фасада и со двора. Он старается осмотреть все новые скульптуры и памятники. Он взахлеб говорит о разительных переменах, сравнивая, например, конные статуи Петра в Петербурге и маршала Жукова в Москве. Конечно, он пока еще путает Церетели, Глазунова и Шилова, но ему так интересно все новое!

И лишь в одном мой приятель остается необъяснимым консерватором. Всем туалетам города Москвы он предпочитает только наш — туалет Рахманиновского зала. По своему опыту он знает, что это лучшее заведение подобного рода в Москве. Он говорит, что это историческое место.

В самом деле, его посещали самые выдающиеся музыканты — концертирующие и преподающие, еще только готовящиеся концертировать и преподавать, или, по крайней мере, уже готовые стать выдающимися. Да что там музыканты, — Послы стран «Большой Семёрки», вернее, «Большой Восьмерки минус один» (наших-то дипломатов на концерты арканом не затащишь), так вот, эти послы с супругами, получая приглашения через курьеров, в антрактах в очереди выстраиваются — только бы попасть хоть на пару минут в историческое место!

А какую трогательную сцену довелось однажды наблюдать после концерта — простая наша российская слушательница в высоких светлокоричневых сапогах на глазах у всей очереди делилась с супругой одного Чрезвычайного и Полномочного последнего клочком туалетной бумаги, предусмотрительно захваченным из дома!

Так выпьем же за эту истинную демократию, за эту подлинную дружбу народов!

Так сохраним же эту творческую атмосферу и в следующем году, веке, тысячелетии!

За наш высокий вкус, абсолютный слух и острый нюх!

Ведь только в этом культурно-историческом контексте можно понастоящему аутентично прочувствовать:

Ночной зефир струит...

Ароматы и звуки реют...

А уж как дым Отечества нам сладок!..

С Новым нас Тысячелетием, Коллеги!

Доцент 14-го разряда
Влазимир Тарнопольский,
бывший студент

